

Эрнан Камареро¹
Hernán Camarero

Максимализм в пампе. Первые отклики на Русскую революцию в Аргентине

Maximalismo en las pampas. En torno a los primeros ecos de la Revolución Rusa en la Argentina

Maximalism in the pampas. The first echoes of the Russian Revolution in Argentina

Аннотация: Русская революция 1917 г. произвело огромное впечатление на аргентинское общество. Это влияние ощущалось в течение нескольких лет. Его следы обнаруживаются в различных проявления национальной жизни: рост забастовочного движения, организация рабочего движения, радикализация левых сил, враждебная реакция правых, новая политика правительства Иполито Иригойена, дипломатическая реакция на российские события, отклик среди иммигрантов из России, особенно в еврейской общине, а прессе и общественном мнении, общественной мысли и искусства, связь аргентинцев с новым Интернационалом в Москве. Целью этой статьи является проанализировать эти аспекты в их целостности.

Ключевые слова: Российская революция, Аргентина, максимализм, коммунизм, рабочий класс

¹ *Эрнан Камареро* – доктор наук, исследователь CONICET, профессор Университета Буэнос-Айреса (Аргентина). *Hernán Camarero*. Doctor in History, Universidad de Buenos Aires (Argentina), mail: hercamarero@gmail.com

Abstract: The Russian revolution had an impact on society, politics and culture in Argentina since the end of 1917. Its effects were felt over several years. These traces can be found in different phenomena of the national scene: in the strong growth of strikes and in the organization of the workers movement, in the radicalization of the left and in the hostile reaction of the rights, in the intervention of the State and the new political regime inaugurated by the government of Hipólito Yrigoyen, in diplomatic affairs, in the life of immigrant collectives (above all, the Russian Jewish), in certain spaces of journalism and public opinion, in the world of ideas and art, and in that flow of trips and interventions of organisms and individuals from and to Petrograd, Moscow and the Buenos Aires capital (under the mediation of the Comintern). The objective of this article is to explore some of these aspects in a comprehensive and related manner.

Keywords: Russian Revolution, Argentina, Maximalism, Communism, Working class

«Жаркий и мощный революционный вихрь победоносно идет по планете. Он начался в России и распространяется на все уголки мира. Его цель – установление социализма», – так в декабре 1917 г. говорилось в одном из воззваний небольшой группы только что исключенных из Социалистической партии молодых рабочих и студентов из Буэнос-Айреса. Это был манифест о создании новой политической силы, Интернациональной социалистической партии (PSI), которая провела свой съезд в январе 1918 г., а три года спустя стала называться коммунистической. Когда же они писали свой первый манифест, прошел лишь один месяц после невероятных сообщений из Петрограда о штурме красной гвардией Зимнего дворца и свержения временного правительства А. Керенского, перехода всей власти к советам, создания Совета народных комиссаров во главе с В.И. Лениным, принявших потрясавшие всех декреты, которые означали разрушение всего существовавшего до сего времени старого общественного строя. Члены этой аргентинской группы были впечатлены российским процессом и заявляли: «Равняясь на этот высокий идеал, мы хотим стать подлинными носителями этой общественной трансформации в этой части Америки»².

² PSI, Historia del socialismo marxista en la República Argentina. Origen del Partido Socialista Internacional, Buenos Aires, 1919. P. 58.

Большеви́стская революция привлекла к себе сторонников, которые были крайне неоднородны, а многие даже критически к ней настроены. С другой стороны, она вызвала неприятие многих, мечтавших о её поражении. Было ясно, что события в России 1917 г. были самыми важными и противоречивыми за всю современную историю. Революция создала мировое движение, отвергающее капитализм на основе принципов революционного марксизма, которое придало особую динамику всему XX в, по всему миру, в том числе и в Аргентине.

Российская революция создала немало мифов. Она представлялась самым кошмарным видением для капитализма. В течение первых трех лет она привела к усилению классовой борьбы в мировом масштабе доселе невиданного: «Уровень революционного возбуждения рабочего класса в период с 1918 по 1920 гг. не имел прецедентов в течение всего XX в. Это был возможно единственный период в истории, когда, казалось, революция на Западе вот-вот начнется, когда повсюду в Западной Европе возникали коммунистические партии»³. Иными словами, в течение этих лет «рабочий класс Европы дал примеры всеевропейского революционного кризиса, когда, казалось, что народные восстания с социалистическим задачами победят. 1917–1921 гг. сильно выделяются в истории Европы»⁴. Тот самый «призрак коммунизма», о котором писал Маркс в 1848 г., теперь приобретал реальные черты. Один явно не симпатизирующий коммунизму французский историк признавал: «Российская революция объединила вокруг себя своих верных почитателей во всем мире». Он называл это «всеобщим околдовыванием Октябрем»⁵.

События в России уже до начала мировой войны в 1914 г. потрясли основания «эры империй» и *belle époque*. Казалось, что подошла к концу целая историческая эпоха, разрушая веру в прогресс и мир, на основе неостановимого расширения капиталистической системы, стабильности, устойчивости «цивилизованных империй», всеобщее принятие принципов буржуазной либеральной демократии и веры в равновесие мировой политической системы. Как писал историк Эрик Хобсбаум: «Казалось для всех очевидным, что старый мир уже приговорён к небытию. Старое общество, старая экономика, старые поли-

³ Sassoon, 2001. P. 57.

⁴ Eley, 2002. P. 126.

⁵ Furet, 1995. P. 76, 116.

тические системы, как говорилось в Китае, «утратили мандат Неба»⁶. Началось время крайностей, так называемый «короткий XX век», когда войны сменялись кризисами и революциями.

Какое же было влияние российской революции на Аргентину? Это влияние мы можем найти в различных явлениях национальной жизни: в подъеме забастовочного движения, в росте организованности рабочего движения, в радикализации левых сил, в яростной реакции правых и в приходе к власти новых политических сил в лице Гражданско-радикального союза, в деятельности иммигрантских, особенно еврейских российского происхождения групп, в прессе и культуре. Цель этой статьи проанализировать все эти явления, опираясь в том числе и на наши предыдущие исследования⁷.

В первую очередь, выберем хронологические рамки работы: от момента падения царского режима до конца этого революционного года. В Аргентине пришло к власти новое правительство радикалов Иполито Иригойена, которое рассматривалось как буржуазно-демократическая альтернатива развития с опорой на народные массы, противостоящая долгим десятилетиям господства консерваторов. Новый президент стремился расширить базу поддержки своего правительства, предлагая более «плебейский», народный образ правления, проводя патерналистскую линию в отношении средних слоев, стремясь установить связь с рабочим классом. Это было время послевоенного кризиса в экономике Аргентины.

К 1916–1917 гг. кризис производства, торговли и потребления был налицо. Иригойен столкнулся с ростом забастовок. Первыми были железнодорожники и портовые рабочие, выступившие против крупных компаний иностранного капитала в этих отраслях. К концу лета 1917 г. президент и правительство вступили в переговоры с профсоюзами⁸. Одновременно пресса сообщала о великих событиях за границей, связанных с мировой войной. Страна сотрясалась от манифестаций сторонников политики невмешательства в войну, которую отстаивал Иригойен, и теми, кто требовал разрыва с центральными державами и объявления войны и присоединения к Антанте.

В 1917 г. среди международных событий главное место в новостях заняла Россия, где происходило невероятное: массы рабочих, солдат,

⁶ Hobsbawm, 1995, P. 63.

⁷ Camarero, 2017.

⁸ Rock, 1977; Horowitz, 2015.

народа выступили против войны, экономических трудностей и угнетения. Там происходила революция, явно большего размаха, чем 1905 г. Революция победила за несколько дней. Царя Николая II сменило временное правительство, символизировавшее демократическую, либеральную революцию.

Практически вся пресса Буэнос-Айреса и других городов в марте 1917 г. главным освещаемым событием сделала русскую революцию. Газета «La Nación» вышла с заголовком: «Революционная вспышка в царской империи» и сообщала, что восстание возглавили «парламентские элементы», которые в Думе создали новое правительство. И заключала: «Русская революция вызывает к себе симпатии всех либералов во всем мире». Такое же настроение было и в газете «La Prensa». Газета социалистической партии «La Vanguardia» писала: «Вчера пришли, возможно, самые значительные известия из Европы, переживающей свою самую страшную катастрофу войны. Русская революция, направленная против петроградских олигархов, на самом деле руководствуется демократическими принципами, которые проникли во все социальные слои нации». Очень скоро социалисты стали сравнивать русскую революцию с французской 1789 г. в её антиаристократической направленности, а место Бастилии занял Зимний дворец. А уже после отречения царя эта газета назвала русскую революцию тем, чем была в прошлом французская, для истории всего человечества⁹.

Пока никто нигде в мире не мог предположить, какие события готовит этот год в России. Никто не знал и не предполагал, каким путем пойдет Россия, что появятся советы и двоевластие, что радикальная часть русской социал-демократии, большевики под руководством Ленина, твердо поведут революцию по социалистическому пути, провозглашая немедленное окончание мировой войны, открывая новые горизонты для Европы погрузившейся в ужасы и страдания мировой войны. Октябрь стал грандиозной и шокирующей новостью для всего мира.

В Буэнос-Айресе исчезло общее одобрение новой русской демократии, сменившись на непонимание и смущение, а Октябрь предстал как нечто страшное и непонятное, для чего находились самые примитивные объяснения как-то, пронемецкий переворот. Но теперь у всех на устах были максималисты или большевики. Даже социалисты вы-

⁹ La Vanguardia. Buenos Aires, 18 de marzo, 1917.

сказывали надежду, что Ленин и Троцкий будут низвергнуты, и к власти вернется Керенский и генерал Корнилов, выражали уверенность, что население отвернется от большевиков. Вскоре только левые социалисты приветствовали дело большевиков, но затем симпатии к ним переместились в более широкие идеологические, политические круги, в среду культуры. И только после сталинского термидора эти симпатии вступили в полосу разочарования, и число симпатизантов уменьшилось.

В Аргентине правительство Иригойена долго не определялось с позицией в отношении советского режима. И в конце концов решило отложить установление формальных отношений с социалистической республикой. Президент Марсело Т. де Альвеар продолжил эту политику Иригойена. Только несколько торговых соглашений имели успех¹⁰. В аргентинской столице заявили, что её посольство в Петрограде стало жертвой нападений на иностранные посольства в первые недели после октябрьской революции, что было формальным поводом для прекращения любых отношений с новым режимом. В свою очередь, Советы обвиняли аргентинские власти в репрессиях особенно против граждан российского происхождения во время подавления народных выступлений во время Трагической недели в январе 1919 г.

В этот период рабочие массы Аргентины переживали тяжелый момент в связи с ухудшавшимися условиями жизни в результате тяжелого экономического кризиса. Это была первая серьезная рецессия после 1890 г., когда ВВП с 1914 по 1917 г. сократился на 20%. Все это привело к росту нищеты, снижению зарплаты и увеличению безработицы, которая в 1917 г. достигла 20%¹¹. Но к 1920 г. ситуация исправилась, и безработица сократилась до 7,2%. Тем не менее, оставались требования повышения зарплаты, так как в столице страны в период 1915–1919 г. средняя зарплата составляла только 78% от уровня 1914 г. Все это создавало условия для роста забастовок, так как рабочие меньше стали бояться потерять работу из-за увольнений за участие в стачках.

В период с 1917 по 1921 г. в стране ширилось забастовочное движение, в ранее невиданным масштабах: число забастовщиков выросло с 30 тысяч в год до 309 тыс. человек. Этот подъем совпал с послевоенным революционным подъемом в мире под влиянием русской рево-

¹⁰ Gilbert, 1994.

¹¹ Gerchunoff, 2016. P. 68

люции. Главной особенностью было даже не число участников, а решимость и боевой дух трудящихся, их готовность идти на насильственные действия и противостоять силой полицейским репрессиям. Героический пример русских рабочих здесь играл не последнюю роль. Параллельно росло влияние профсоюзов. ФОРА X съезда под руководством синдикалистов превращалась в массовую организацию, объединив в своих рядах к началу 1921 г. почти сто тысяч человек и более 500 профсоюзов¹².

Сразу же местные правые силы и правящие элиты восприняли события в России как непосредственную опасность в Аргентине. Особую активность против рабочего и левого движения проявляли Патриотическая лига Аргентины и Ассоциация Труда¹³. Лидер лиги Мануэль Карлес в мае 1919 г. заявлял: «Разрушительные тенденции проявляются и на нашей благословенной земле, следуя за примером других стран. Эта волна идет из России... Патриотическая лига поднимается против тех, кто ненавидит нашу родину, поднимают руку на её существование. Мы будем сражаться с ними повсюду»¹⁴. Эти организации создавали вооруженные отряды против рабочих, в которые привлекали членов католических организаций.

Реакция решительно действовала во время забастовки металлургов в конце 1918 г., которая вылилась в январе 1919 г. в беспорядки на улицах Буэнос-Айреса, вошедшие в историю как Трагическая неделя¹⁵. Реакция разоблачала «советский заговор», составленный «иностранными агитаторами» еврейско-русского происхождения, что было предлогом для антисемитских действий, которые назывались антибольшевистскими. Во время беспорядков Трагической недели были тысячи убитых, раненных, арестованных, пытаемых в полициях рабочих активистов. Расцвели теории еврейского заговора как причины любой революции¹⁶. Прочно вошла в оборот реакция пропаганда борьбы с «жидо-большевизмом».

Эхо русских событий проявилось в других местах Аргентины. Например, рабочий конфликт в Санта-Фе на лесных разработках Ла-Форесталь, принадлежавших британскому капиталу. Там в 1919–1921

¹² Marotta, 1961. P. 277.

¹³ McGee Deutsch, 2003; Rapalo, 2012

¹⁴ Carlés M. Discurso pronunciado en Plaza Lavalle, 4 de mayo de 1919. P. 3

¹⁵ Godio, 1985; Bilsky, 1984.

¹⁶ Lvovich, 2003

гг. произошли крупные забастовки, подавленные армией и жандармерией¹⁷. Их поддержали отряды Патриотической лиги. Баланс столкновений составил сотни убитых рабочих. Газета «La Nación» обвинила рабочих в том, что те создали совет: рабочие вооружились, а администрация «чувствовала себя военнопленными»¹⁸. В тот же период забастовки в Санта-Круссе закончились такой же кровавой расправой¹⁹. Сельские общества и другие организации хозяев формировали вооруженные «белые гвардии», а газеты единодушно требовали восстановления порядка. Военные осуществляли массовые расстрелы забастовщиков, похороненных в братских могилах. Репрессии ужесточались из-за страха перед повторением советского опыта.

«Максималистский (большевистский) призрак» был поднят правыми на свои знамена для оправдания репрессивной политики, для указания на врага, который связывался с еврейским заговором, порождая проявления антисемитизма. Последнее, казалось, находило подтверждение в активном участии в событиях и членством в левых партиях евреев русского происхождения. Реальная угроза исходила не от далекой России, как то представлялось правыми, а от того положения, в котором оказалась Аргентина в те годы, где уже возникло сильное рабочее движение, различные левые организации, предлагавшие различные революционные стратегии. Они восприняли как толчок к действию большевистский опыт и пошли по пути политической и идеологической радикализации.

Какова же была реакция левых политических сил на русскую революцию, и какие изменения она вызвала в их рядах? Социалистическая партия приветствовала свержение царизма и провозглашение республики в России как символ демократической революции. Установление же «диктатуры пролетариата» большевиками вызвали противоречивые чувства у социалистов, которые выступали за постепенные прогрессивные реформы в рамках парламентаризма. Октябрьский переворот они рассматривали как отклонение от правильного курса революции на демократические реформы и угрозу революции в условиях мировой войны, угрожавшей стране голодом, развалом администрации, гражданской войной и достойным выходом из войны с Германией. Вплоть по корниловского мятежа газета социалистов «La

¹⁷ Jasinski, 2013.

¹⁸ La Nación. Buenos Aires, 21 de diciembre de 1919.

¹⁹ Bayer, 1971–1973. P. 158–176; Fiorito, 1985. P. 95

Vanguardia» писала о революции в приподнятом духе, а затем после октября заголовки «Русская революция» сменились на «Положение в России». Социалисты считали революцией февральскую, а последующие события, борьба советов с правительством, межпартийная непримиримость вели лишь к анархии и перевороту октября.

Аргентинские социалисты были далеки от поддержки теоретической и практической поддержки революции как программы и инструмента достижения целей. Соцпартия в своем анализе, полном самых общих положений теории, так и не смогла понять этих революционных событий, их динамики, стратегии, этапов, действий союзников и противников революции. Не смогли понять противоречия и дилемму действий временного правительства перед лицом укрепления советов и участия в них большевиков. Аргентинские социалисты не понимали сути большевизма, о чем свидетельствовали обвинения их в бакунинском анархизме и разрыве с социалистической традицией. Соцпартия в принципе не принимала революционного социализма, действуя и размышляя в рамках реформистской парадигмы²⁰.

Вместе с тем русская революция вызвала дискуссию внутри партии, руководимой Х.Б. Хусто. Левое течение в партии, воспользовалось ею, чтобы осудить позиции партии, отошедшей от рабочей политики и колебавшейся в вопросах отношения к мировой войне, покинув позиции и традиции марксизма. Левые приняли послание Октябрьской революции, о чем писали в своей газете «La Internacional». Они создали сначала Интернациональную социалистическую партию, а с 1920 г. компартию²¹. С ноября 1918 г. они выходили на улицы, чтобы отметить годовщину революции. В своем манифесте по поводу окончания мировой войны они писали: «Слава русским максималистам! Благодаря их действиям мировая бойня закончилась ранее, сохранив миллионы жизней для человечества... Русские максималисты, героический авангард международного социализма создали фундамент для нового человечества, обращенного в будущее без классов и каст, ни социальных привилегий, без войн и деспотий. Верные нашим пацифистским и международным принципам, мы будем здесь работать над приближением часа освобождения. Вдохновляемые красной зарей, поднимающейся в Европе, будем солидарны с нашим общим делом и будем вместе бороться за него, ускорим нашу поступь и подготовим

²⁰ Aricó, 1999; Camarero y Herrera, 2005.

²¹ Corbière, 1984

революционное преобразование нашего американского общества»²². Два года спустя, принимая название коммунистической, партия заявляла: «Русская революция является нашим указующим факелом света. В ней огромный революционный опыт для нас. Русская революция имеет всеобщее значение. Её принципы – единственно верные, которые могут служить основой для ближайших пролетарских революций для всех стран мира». Левые пережили тяжелый период переосмысления, внутреннего размежевания и формирования новых целей. Эта партия появилась с революционными чертами, враждебная парламентаризму и провозглашающая значение классовой борьбы и единства рабочего движения, развивалось по сложной траектории. Это развитие вылилось в разочарование и ошибки. Это новое политическое движение видело в Российской революции основу своей идентичности, программы и форм организации. Октябрь 1917 г. был примером и целью, но на пути к этой цели было немало поворотов. Э. Хобсбаум писал: «Каждая компартия была результатом объединения трудно сочетаемого, национальных левых и наследия Октябрьской революции»²³.

Создание КПА и полная приверженность принципам и политике Коминтерна было большим шагом в отношении уравнивания с другими подобными движениями, создания единого образа и содержания. Сложный путь к этому в отношениях с Коминтерном до сих пор полностью не изучен. Здесь следует продолжать изучать этот канал связи и взаимодействия между Москвой и Буэнос-Айресом²⁴. Этот путь много говорит о том, как Российская революция на протяжении большого времени воздействовала на аргентинскую политику. Хотя Компартия не была способна присвоить себе монополию представительства этой революции, тем не менее она стала её главным пропагандистом, защитником советского режима и Коминтерна, а в первые годы просто действовала как своего рода посольство СССР в стране²⁵.

События 1917 г. потрясли многие культуры, идеологические и политические идентичности левых, вызвали новые размышления и новые доктринальные и стратегические подходы²⁶. Внутри разрозненного лагеря анархизма были самые разные позиции в отношении рус-

²² PSI, *Historia del socialismo marxista en la República Argentina. Origen del Partido Socialista Internacional*. Buenos Aires, 1919. P. 64–66.

²³ Hobsbawm, 2000, P. 13.

²⁴ Jeifets V., Jeifets L., 2014.

²⁵ Campione, 2005; Camarero, 2007.

²⁶ Doeswijk, 2013; Pittaluga, 2015.

ской революции, хотя все изначально приветствовали её как революционное движение масс. Они видели в ней начало новой эры для всего мира, бросая вызов всем политическим системам. Их газета «La Protesta» писала: «Россия представляет собой синтез всего современного исторического опыта, как Франция в 1789–1793 гг. воплотила собой революцию против феодальной аристократии и имперской тирании. Также невозможно предполагать, что эта революция только призвана свергнуть царизм, она отвечает задачам сегодняшнего исторического периода»²⁷.

С 1919 г. и окончательно после Кронштадта в 1921 г. большинство анархистов, как ориентировавшихся на «La Protesta» и ФОРА, так и на «La Antorcha», перешли на резко критические позиции в отношении «партийной диктатуры» режима Ленина и стали призывать к «третьей революции» против партии. Однако были и такие анархисты, которые связывали свои идеалы с успехами советского строя. Их иллюзии продолжались вплоть до 20-х годов. Речь идет о так называемых «анархо-большевиках», издававших в 1921 г. газеты «Bandera Roja» и «El Trabajo». Ещё в сентябре 1921 г. они писали: «Хотя ясно, что в России так называемая диктатура пролетариата осуществляется коммунистической партией, мы все-таки убеждены, что в пролетарском государстве необходимо применение силы, но она должна применяться трудящимися и их организациями». Два месяца спустя журнал “Cuasimodo” признавал необходимость, хотя и временно, диктатуры пролетариата, что объяснялось тем, что диктатура пролетариата не должна продлиться во времени.

Российская революция произвела потрясения в рядах революционного синдикализма. Синдикалисты пересмотрели свои традиционные взгляды на автономию и аполитичность профсоюзного движения. Советы возродили у синдикалистов те цели, которые движение разделяло в самом начале своей жизни, но затем они были утрачены. В этой сфере возникло революционное крыло «красного синдикализма», разделявшего принципы и практики большевизма. Они приняли политическую борьбу, считая недостаточной экономическую, соглашались с требованием диктатуры пролетариата как переходной меры в противоречии с теорией профсоюза как «зародыша» социализма. Им удалось создать массовую базу поддержки, связывавшей себя с теорией политического авангарда. С 1919 г. эти группы создали Федерацию

²⁷ La Protesta. Buenos Aires, 17 de febrero de 1918.

групп революционного синдикализма (Federación de Agrupaciones Sindicalistas Revolucionarias – FASR), которые с период с 1920 по 1923 гг. издавали газету “Batalla Sindicalista”²⁸.

Синдикалисты рассчитывали, что путь советской России будет пролегать через «третью революцию» (в том же смысле, как использовали этот термин анархисты), предполагавшую растущее влияние профсоюзов и постепенное исчезновение политических партий. Они рассчитывали на победу от столкновения с большевиками союза анархистов, синдикалистов и левых коммунистов. В этой среде происходили сложные дебаты, полные интересных деталей, оттенков и серых зон умолчания, которыми была полна синдикалистская пресса в Аргентине в эти годы, прежде всего газеты, издаваемые двумя ФОРА (V и IX съездом) и Аргентинским синдикалистским союзом (Unión Sindical Argentina – USA). Последняя в результате этих дискуссий выбрала союзничество с русскими революционерами и сотрудничество с Профинтерном.

Проблема отношения к процессам в советской России затронуло мир культуры, интеллектуалов, искусство. Они отразились на Университетской реформе, движение за которую было начато в Кордобе, борцы за которую открыто заявляли о своих симпатиях к Советской России. Немало было писателей и поэтов приветствовавших большевистские свершения²⁹. Хорхе Луис Борхес был одним из ярких тому примеров. Это была сфера, где пересекались разнообразные политические и эстетические, и порой мало сочетаемые друг с другом течения и личности.

Отношения Аргентины и Российской революции является сложным по ширине обхвата сфер деятельности, политики, культуры и искусства явлением. Здесь мы ограничились только первыми годами, когда советский процесс показывал особый динамизм социального освобождения, на него ещё не осложнял процесс бюрократизации и строительства чудовищного современного Левиафана, которому поклонялся Сталин. Это был период, когда Россия привлекала к себе внимание всего мира и пробуждала надежды в массах трудящихся, левых политиков, увидевших в ней надежду на социальное освобождение на практике. Все это вызвало к жизни огромное массовое дви-

²⁸ Aquino, 2015. P. 75–88.

²⁹ Об этом подробнее см. Щелчков, 2018. С. 155–171.

жение во всем мире, возлагавшее все надежды на мировую революцию в рядах нового Интернационала, на Коминтерн.

В Аргентине произошли события, ранее не виданные в этой части мира, свидетельствовавшие о новом уровне сознательности, боевитости и надежды на повторение русского опыта освобождения трудящихся. Ответом этому была жесточайшая реакция и репрессии со стороны правых сил страны. К 1921–1922 гг., к концу президентского срока Иригойена, рабочее движение перешло к обороне, потерпев поражение в ходе ожесточенной борьбы, но оно привело к созданию прочного организованного рабочего и левого движения. В исторической памяти эти годы остались как «красное время» не только в применении к России, но и к Аргентине, когда, казалось, капитализму угрожает смертельная опасность. Сто лет спустя следует изучать и анализировать особенности того периода и его уроки.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Щелчков А.А.* Российская революция и латиноамериканская интеллигенция // Новая и новейшая история. № 1. 2018. С. 155-171
- Aquino C.* Bajo la influencia de la Revolución Rusa. La Federación de Agrupaciones Sindicalistas Revolucionarias a través de La Batalla Sindicalista, 1920-1923 // Archivos de historia del movimiento obrero y la izquierda, 2015. n° 7, pp. 123-142.
- Aricó J.* La hipótesis de Justo. Escritos sobre el socialismo en América Latina. Buenos Aires: Sudamericana, 1999.
- Bayer O.* Los vengadores de la Patagonia trágica. 3 tomos. Buenos Aires: Galerna, 1971–1973.
- Bilsky E.* La semana trágica. Buenos Aires: CEAL, 1984.
- Camarero H.* A la conquista de la clase obrera. Los comunistas y el mundo del trabajo en la Argentina, 1920–1935. Buenos Aires: Siglo XXI, 2007.
- Camarero H.* Tiempos rojos. El impacto de la Revolución rusa en la Argentina. Buenos Aires: Sudamericana, 2017.
- Campione D.* El comunismo en Argentina. Sus primeros pasos. Buenos Aires: Instituto Movilizador de Fondos Cooperativos, 2005.
- Corbière E.J.* Orígenes del comunismo argentino (El Partido Socialista Internacional). Buenos Aires: CEAL. 1984
- Doeswijk A.* Los anarco-bolcheviques rioplatenses (1917–1930). Buenos Aires: CeDInCI, 2013

- El Partido Socialista en Argentina. Sociedad, política e ideas a través de un siglo / Camarero H., Herrera C.M. eds. Buenos Aires: Prometeo, 2005.
- Eley G.* Un mundo que ganar. Una historia de la izquierda en Europa, 1850-2000. Barcelona: Crítica. 2002
- Fiorito S.* Las huelgas de Santa Cruz, 1921–1922. Buenos Aires: CEAL, 1985.
- Furet F.* El pasado de una ilusión. Ensayo sobre la idea comunista en el siglo XX. México: FCE, 1995.
- Gerchunoff P.* El eslabón perdido. La economía política de los gobiernos radicales (1916–1930). Buenos Aires: Edhasa, 2016.
- Gilbert I.* El oro de Moscú. La historia secreta de las relaciones argentino-soviéticas. Buenos Aires: Planeta, 1994.
- Godio J.* La Semana Trágica de enero de 1919. Buenos Aires: Hyspamérica, 1985.
- Hobsbawm E.* Historia del siglo XX, 1914–1991. Barcelona: Crítica, 1995
- Hobsbawm E.* Revolucionarios. Ensayos contemporáneos. Barcelona: Crítica. 2000
- Horowitz J.* El radicalismo y el movimiento popular. Buenos Aires: Edhasa. 2015
- Jasinski A.* Revuelta obrera y masacre en La Forestal. Sindicalización y violencia empresaria en tiempos de Yrigoyen. Buenos Aires: Biblos, 2013.
- Jeifets V., Jeifets L.* La Internacional Comunista y la izquierda argentina primeros encuentros y desencuentros. // Archivos de historia del movimiento obrero y la izquierda. año III, n° 5, septiembre 2014. Buenos Aires, P. 71-92.
- Lvovich D.* Nacionalismo y antisemitismo en la Argentina. Buenos Aires: Javier Vergara. 2003.
- Marotta S.* El movimiento sindical argentino. Su génesis y desarrollo. Tomo II. Periodo 1907–1920. Buenos Aires: Lacio, 1961
- McGee Deutsch S.* Contrarrevolución en la Argentina, 1900–1932. La Liga Patriótica Argentina. Bernal: UNQ, 2003.
- Pittaluga R.* Soviets en Buenos Aires. La izquierda de la Argentina ante la revolución en Rusia. Buenos Aires: Prometeo, 2015.
- Rapalo M.E.* Patronos y obreros. La ofensiva de la clase propietaria, 1918–1930. Buenos Aires, Siglo Veintiuno Editores, 2012.
- Rock D.* El radicalismo argentino, 1890–1930. Buenos Aires: Amorrortu, 1977.
- Sassoon D.* Cien años de socialismo. Barcelona: Edhasa, 2001.

REFERENCES

- Aquino C.* Bajo la influencia de la Revolución Rusa. La Federación de Agrupaciones Sindicalistas Revolucionarias a través de La Batalla Sindicalista, 1920-1923 // Archivos de historia del movimiento obrero y la izquierda, 2015. n° 7, pp. 123-142.
- Aricó J.* La hipótesis de Justo. Escritos sobre el socialismo en América Latina. Buenos Aires: Sudamericana, 1999.
- Bayer O.* Los vengadores de la Patagonia trágica. 3 tomos. Buenos Aires: Galerna, 1971-1973.
- Bilsky E.* La semana trágica. Buenos Aires: CEAL, 1984.
- Camarero H.* A la conquista de la clase obrera. Los comunistas y el mundo del trabajo en la Argentina, 1920-1935. Buenos Aires: Siglo XXI, 2007.
- Camarero H.* Tiempos rojos. El impacto de la Revolución rusa en la Argentina. Buenos Aires: Sudamericana, 2017.
- Campione D.* El comunismo en Argentina. Sus primeros pasos. Buenos Aires: Instituto Movilizador de Fondos Cooperativos, 2005.
- Corbière E.J.* Orígenes del comunismo argentino (El Partido Socialista Internacional). Buenos Aires: CEAL. 1984
- Doeswijk A.* Los anarco-bolcheviques rioplatenses (1917-1930). Buenos Aires: CeDInCI, 2013
- El Partido Socialista en Argentina. Sociedad, política e ideas a través de un siglo / Camarero H., Herrera C.M. eds. Buenos Aires: Prometeo, 2005.
- Eley G.* Un mundo que ganar. Una historia de la izquierda en Europa, 1850-2000. Barcelona: Crítica. 2002
- Fiorito S.* Las huelgas de Santa Cruz, 1921-1922. Buenos Aires: CEAL, 1985.
- Furet F.* El pasado de una ilusión. Ensayo sobre la idea comunista en el siglo XX. México: FCE, 1995.
- Gerchunoff P.* El eslabón perdido. La economía política de los gobiernos radicales (1916-1930). Buenos Aires: Edhasa, 2016.
- Gilbert I.* El oro de Moscú. La historia secreta de las relaciones argentino-soviéticas. Buenos Aires: Planeta, 1994.
- Godio J.* La Semana Trágica de enero de 1919. Buenos Aires: Hyspamérica, 1985.
- Hobsbawm E.* Historia del siglo XX, 1914-1991. Barcelona: Crítica, 1995
- Hobsbawm E.* Revolucionarios. Ensayos contemporáneos. Barcelona: Crítica. 2000

- Horowitz J.* El radicalismo y el movimiento popular. Buenos Aires: Edhasa. 2015
- Jasinski A.* Revuelta obrera y masacre en La Forestal. Sindicalización y violencia empresaria en tiempos de Yrigoyen. Buenos Aires: Biblos, 2013.
- Jeifets V., Jeifets L.* La Internacional Comunista y la izquierda argentina primeros encuentros y desencuentros. // Archivos de historia del movimiento obrero y la izquierda. año III, n° 5, septiembre 2014. Buenos Aires, P. 71-92.
- Lvovich D.* Nacionalismo y antisemitismo en la Argentina. Buenos Aires: Javier Vergara. 2003.
- Marotta S.* El movimiento sindical argentino. Su génesis y desarrollo. Tomo II. Período 1907–1920. Buenos Aires: Lacio, 1961
- McGee Deutsch S.* Contrarrevolución en la Argentina, 1900–1932. La Liga Patriótica Argentina. Bernal: UNQ, 2003.
- Pittaluga R.* Soviets en Buenos Aires. La izquierda de la Argentina ante la revolución en Rusia. Buenos Aires: Prometeo, 2015.
- Rapalo M.E.* Patronos y obreros. La ofensiva de la clase propietaria, 1918–1930. Buenos Aires, Siglo Veintiuno Editores, 2012.
- Rock D.* El radicalismo argentino, 1890–1930. Buenos Aires: Amorrortu, 1977.
- Sassoon D.* Cien años de socialismo. Barcelona: Edhasa, 2001.
- Schelchov A.A.* Russkaia revolitsyia i latinomaerikanskaia intelligentsia // Novaia i noveishaia istoria. № 1. 2018. [The Russian Revolution and Latin-American Intellectuals].